

*Б. В. Марков**

РЕЦЕПЦИЯ МАРКСИЗМА В КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ**

После первой мировой войны не только в России, но и в Европе образовалось несколько советских республик, что, несомненно, способствовало возрождению интереса к наследию Маркса, о чем свидетельствовали работы Р. Люксембург и других немецких коммунистов. Основатели так называемой Франкфуртской школы во главу угла поставили не классовую борьбу, а преодоление отчуждения. Значительное влияние на их критическую теорию оказали труды Г. Лукача и В. Бенямина. После прихода к власти фашистов участники Франкфуртской школы вынуждены были эмигрировать в США. Там они увидели общество, управляемое путем производства и удовлетворения желаний людей.

Одной из задач философии является предсказание характера будущей революции. Сегодня устойчивое развитие капитализма, процесс глобализации, наконец, цифровая революция позволяют уверенно говорить о том, что марксизм, как философия нищеты и угнетения, остался в прошлом. Ответ на вызовы современности дает теория человеческого капитала, в которой общество оценивается уже не только по уровню дохода, но и по таким критериям, как счастье и доверие. К сожалению, на небосводе либерального общества вновь появляются тучи в форме разного массовых протестов, которые заставляют вспомнить не только о событиях 68 года, но и о революциях начала XX столетия, т. е. о марксизме.

Ключевые слова: Власть, идеология, отчуждение, тотальность, спонтанность, революция, насилие.

* Марков Борис Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; bmarkov@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31243 «Марксизм: pro et contra. Идеи и ценности в марксистской традиции в истории и современности. Российский опыт и зарубежный контекст».

B. V. Markov
RECEPTION OF MARXISM IN THE CRITICAL THEORY
OF THE FRANKFURT SCHOOL

After the First World War, not only in Russia, but also in Europe formed several Soviet republics, which undoubtedly contributed to the revival of interest in the legacy of Marx, as evidenced by the work of R. Luxembourg and other German communists. The founders of the so-called Frankfurt School put the focus not on class struggle, but on overcoming alienation. The works of D. Lukach and W. Benjamin had a significant influence on their critical theory. After the Nazis came to power, members of the Frankfurt school were forced to emigrate to the United States. There they saw a society governed by producing and satisfying people's desires.

One of the tasks of philosophy is to predict the nature of the future revolution. Today, the sustainable development of capitalism, the process of globalization, finally, the digital revolution make it possible to confidently say that Marxism, as a philosophy of poverty and oppression, is a thing of the past. The answer to the challenges of our time is the theory of human capital, in which society is valued not only by income level, but also by criteria such as happiness and trust. Unfortunately, clouds in the sky of the liberal society are re-emerging in the form of various mass protests, which make us remember not only the events of 68 years, but also the revolutions of the early twentieth century, i. e. Marxism.

Keywords: Power, ideology, alienation, totality, spontaneity, revolution, violence.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В ранних сочинениях Маркс критиковал капитализм с гуманистических позиций и мечтал об освобождении человека. Он считал само собой разумеющимся право пролетариата уничтожить своих эксплуататоров. Но это не обязательно революция и террор. Ленинизм и сталинизм, троцкизм и маоизм и еще множество региональных течений, вроде югославского и чешского, — все это такие формы пролиферации, которые скорее отталкиваются от Маркса, чем опираются на него. Исследование эволюции западного марксизма предполагает изучение, скорее, авторских концепций, чем партийных школ и иных институций, определяющих исследовательские программ сотрудников. Это относится к направлениям как немецкого, так и французского постмарксизма и, конечно, к Франкфуртской школе. Общим между ними является акцент на теории отчуждения, которая творчески развивалась самыми разными авторами, от Лукача до Бадью и Слотердайка.

После разоблачения культа личности марксизм стал расцениваться как форма тоталитарной идеологии, а Ленин, Сталин и Мао — как преступники. Одной из причин заката марксизма была политика рабочих партий, лидеры которых забыли об исторической миссии пролетариата. Социализм дискредитирован бюрократией. Вопрос в том, возможно ли небюрократическое государство? Церковь, партия, любой другой союз, даже социальная сеть, участвуя в строительстве государства, не просто ангажируются, но еще и бюрократизируются. По мнению сторонников критической теории, смерть бюрократического марксизма открывает возможность его возрождения. Они возвращаются к подлинно революционному учению, которое оказалось отодвинутым в сторону в ходе строительства государства, которое по замыслу

основоположников должно постепенно отмирать, уступая место Советам, инициативе масс, свободной общественности. А. Бадью считал, что марксизм — это не реальность и не идеология, а форма политического опыта: «Марксист — это тот, кто при разрушении марксизма находится в субъективной позиции: кто имманентным способом провозглашает то, что должно умереть и что, следовательно, само умирает, марксист же использует эту смерть в качестве причины для перестройки политики» [2, с. 41].

Антимарксизм не является адекватной идеологией, ибо он реактивен, т. к. вызван разоблачением сталинизма, разочарованием в китайском и вьетнамском социализме, отказом польской «Солидарности» от коммунизма. Однако протесты против тоталитаризма и нарушения прав человека на деле привели к своеобразному «демократическому империализму», где 1% населения ведет изумительный образ жизни за счет оглушения и эксплуатации остальных. Для того чтобы правильно сориентироваться в современной ситуации, необходимо разобраться с ошибками как марксистов, так и антимарксистов.

То, что утверждение о «смерти марксизма» оказалось преждевременным, подтверждает аналитика процессов глобализации. Рост обобществления протекает по сценарию Маркса: уже не страны и не классы, а всё население Земли охватывается товарными отношениями и управляется технологиями рекламы, медиа, массовой культуры. Вместе с тем товары производятся всеми, а прибыль по-прежнему присваивается транснациональными корпорациями. Сегодня прибавочную стоимость экономика Запада получает за счет развивающихся стран. На какое-то время внутренние противоречия снимаются. Поскольку нет причин для недовольства, процесс отрицания не запускается. На самом деле недовольство жителей общества благоденствия приобретает новые формы.

В XX в. капитализм трансформировался по принципу конвергенции, создания общества всеобщего благоденствия, становился контролируемым, участвующим в производстве социального государства. Во многом это определялось активностью общественности и государственной поддержкой незащищенных слоев населения. В идеале после Перестройки Западная Европа должна была не капитализировать Восточную, а наоборот, использовать завоевания социализма. К сожалению, на практике все произошло по-другому. После распада Советского союза, существование которого заставляло заботиться об улучшении положения трудящихся на Западе, эволюция общества пошла не в лучшую сторону. Был запущен процесс декоммунизации, который, по сути, означал замену идеологии пропагандой. Что касается социализма, то его экономика расценивалась как «неэкономная», а рыночное общество — как более эффективное и справедливое. На самом деле социалистическая экономика при всех ее недостатках была социально ориентированной. Если европейский капитализм старше и потому цивилизованнее, то российский капитализм — еще «сырой», пребывающий в стадии первоначального накопления. Свободный рынок беспрепятственно осваивает то, что по моральным человеческим критериям не подлежит продаже. Прежде всего от этого страдает культура, которая изначально формировалась как символическая защитная оболочка, обеспечивающая идентичность народа. Сегодня она превратилась в сегмент глобального рынка развлечений. В результате поиски идентичности характер-

ны не только для развивающихся стран, но и для доноров, оглуляющих как свою, так и чужую публику

ОТЧУЖДЕНИЕ И ЗАБВЕНИЕ БЫТИЯ (МАРКС И ХАЙДЕГГЕР)

Капитализм развивает производительные силы до уровня тотальности. Но они используются в частных интересах. Деятельность людей обретает всемирно исторический характер, однако люди попадают под власть мирового рынка и объединяются по законам обмена. В «Немецкой идеологии» Маркс писал о том, что буржуазия выдает свой частный интерес за всеобщий. Вследствие чего общие понятия выражают сознание господствующего класса. Заслугой Маркса является раскрытие природы экономических отношений в капиталистическом обществе, однако его «Капитал» не сводится к учебнику по политэкономии: Маркс начинает с анализа товара, а приходит к классовой борьбе. Но это и не руководство по политической борьбе, так как в «Капитале» говорится об отчуждении труда. Товар не является просто вещью, которую мы покупаем и потребляем. Это сверхчувственная вещь. Изготавливая, продавая и потребляя товары, люди втягиваются в мир социальности и поддерживают не зависящие от них общественные отношения. Наиболее значимым в этой критике сегодня считается даже не теория эксплуатации, а концепция отчуждения. Современный капитализм осознается как система тотального овеществления и отчуждения, где вещи господствуют над человеком, а техника требует создания необходимых для своего эффективного обслуживания людей. Маркс показал, как общественное отношение эксплуатации сводит любой труд к «абстрактному труду», он также обратил внимание на товарный фетишизм, свойственный овеществленному сознанию. По Марксу, отрицание существования в форме товарных отношений является историческим предназначением пролетариата — единственного класса в истории, желающего своего собственного уничтожения.

Главным аргументом критики капиталистического общества у интеллектуалов XX в. было нарастание отчуждения. Помимо превращения вещей в товары, а человека в рабочую силу, отмечалось проникновение отчуждения в сферы свободы и частной жизни, которые прежде не были охвачены рыночными отношениями. Концепция отчуждения, составляющая ядро леворадикальной идеологии на Западе, конечно, является более слабым вариантом теории классовой борьбы, воспринятой большевизмом. Но и она должна оцениваться с долей осторожности. В «Капитале» Маркс показывает, что на первый взгляд человек выступает олицетворением социальных отношений и агентом движения вещей, но на самом деле общество, экономика, товары и т. п. есть не что иное, как историческая форма контактов людей, а овеществленное сознание — это форма человеческого сознания. Маркс утверждал, что царство свободы начинается с освобождения от тяжелого физического труда, с преодоления разделения умственного и физического труда, превращения его в первейшую жизненную потребность. В буржуазном обществе любой труд сводится

к «абстрактному труду», производящему вещь-товар, пригодную для обмена. Маркс утверждал, что именно в этом способе производства скрываются истоки и проблемы современной философии, которые могут быть преодолены лишь вместе с общественными противоречиями, в отождествляющей субъект и объект практике.

Государство не является воплощением разума, как учил Гегель, и не склонно прислушиваться к советам философов. Маркс обратил внимание на стратегию и тактику завоевания власти и возложил надежды не на мировой дух, а на пролетариат, становящийся локомотивом истории. В отличие от практических политиков и утопистов он исследовал экономический базис общества и строил свою теорию на объективных законах его развития. В последние годы он стал глубже осознавать специфику общественно-исторических законов и уже не считал их неумолимыми, совершающимися независимо от воли людей. По Марксу, капитализм стремится сократить рабочее время и одновременно использует его как источник богатства. Сегодня это противоречие не исчезло, а наоборот, обострилось. Если раньше регламентировалось время труда, то теперь экономическим становится и время досуга. На фоне снижения классовых противоречий растет экзистенциальное напряжение. Работы всё больше, а срок ее исполнения всё меньше. Отсюда постоянный стресс, переутомление, психические расстройства. Лень, беззаботность, развлечения остались в прошлом. На смену пришли дисциплина, организация, ответственность. Потребление тоже подверглось модификации, оно стимулируется экзистенциальными мотивами. Парадокс в том, что гедонистическая культура развивается за счет сенсуализации наслаждения. Но отношение населения к услугам, предлагаемым рынком развлечений, изменилось: люди более трезво относятся к механизированным удовольствиям и покупным наслаждениям, стремятся уравновесить свою жизнь. Взамен техно-бюрократической власти культивируется власть над самим собой. Отсюда интерес аналитиков современного общества к «эстетикам существования». Отправной точкой современной критики «эмоционального капитализма» является хайдеггеровская деструкция метафизики, на которую опирался его ученик Г. Маркузе.

Для Хайдеггера смысл бытия открывается Dasein. Поэтому отношение человека к миру не является социально опосредованным. Речь идет о подлинной решимости быть, Бытие не является наиболее общим понятием. Оно раскрывается не категориально, а как способ темпорально-исторического существования Dasein, т. е. экзистенциально. Хайдеггеровская «забота» и другие экзистенциалы напоминают терминологию раннего Маркса, который считал существование современного человека неподлинным и свою задачу видел не просто в критике капитализма с позиций обездоленного рабочего, а в поиске подлинно человеческого способа жить. Главное отличие в том, что Хайдеггер считал изначальным не совместное, а индивидуальное бытие, он рассматривал сосуществование людей (Mitsein) не в социально-экономическом, а в онтологическом ракурсе. Речь идет не об общности человечества, не о всеобщей истории, а о судьбе народа.

В «Бытии и времени» Хайдеггер использовал понятие овеществления в ходе критики метафизики. В поздних работах он описывал изготовление вещи как

аутентичный способ раскрытия бытия [8, с. 316]. Суть дерева и камня выражает не химическая формула, а изделие мастера. Каменность камня раскрывается в строении. Кафедральный собор — это не просто груды камней, но и не воплощенная архитектурная идея, а гармония и консенсус молчаливого тяжелого неподатливого камня, бессильного, но стремящегося к небесам духа и мягкой руки, на ощупь находящей линии встречи материи и духа и постигающей суть бытия. Рука столяра, терпеливо обрабатывающая поверхность дерева, выводит его суть наружу в виде стола, стула и других изделий. Хайдеггер называл такого мастера мыслителем-поэтом, художником, но он не имел в виду гения-творца, воплощающего свои идеи в материале. Скорее речь шла о ремесленнике, человеку ручного труда, постигающем и выявляющем лад вещей. Его изделия являются не музейными экспонатами, а частью повседневного быта, обстановкой, окружающей средой, но такой, которая не изолирует, а наоборот, вписывает человека в мир. Собственно, она и является мирообразующей. Хайдеггер не избежал эстетизации и романтизации вещи, приписав ей онтологическую ауру, передаваемую тонко чувствующему индивиду, душа которого посредством обращения с вещами входит в резонанс с ритмами бытия и преодолевает отрыв поэзии от правды жизни.

Хайдеггер писал:

Что античная онтология работает с «веще-понятиями» и что есть опасность «овеществить сознание», известно давно. Только что значит овеществление? Откуда оно возникает? Почему бытие «постигают» именно «ближайшим образом» из личного, а не из подручного, которое лежит еще ближе? Почему это овеществление снова и снова приходит к господству? Как позитивно структурировано бытие «сознания», так что овеществление оказывается ему неадекватно? Достаточно ли вообще «разницы» «сознания» и «вещи» для исходного разветвления онтологической проблематики? Лежат ли ответы на эти вопросы на дороге? И получится ли хотя бы искать на них ответ, пока вопрос о смысле бытия вообще не поставлен и не прояснен? [7, с. 437]

Хайдеггер понимал вещь онтологически, рассматривая ее как продукт ручного труда. Рука, по Хайдеггеру, наиболее адекватный орган постижения бытия. Он утверждал, что мы еще не мыслим по той причине, что надо «мыслить» рукой [9, с. 134]. В этом странном утверждении говорится, что рука ближе к бытию. В то время как сознание-субъект и его головная работа — рефлексия рассматривают бытие как объект, рука вступает в контакт с бытием, взаимодействуя с ним, она меняется. В отличие от машинного, ручной труд предполагает не субъекта-господина, а пластичное существо, гибко приспосабливающееся к среде и изменяющееся в процессе обработки вещества. Рука, взявшая молоток или иное орудие, становится продуктом культуры. В целом важно, что в процессе ручного труда человек вступает в близкие и тесные отношения с бытием. В отличие от трансцендентального субъекта он вступает с ним в имманентную близость. То, как на самом деле, т. е. в современной практике дизайна и моды, произошло сближение искусства с вещами, не получило одобрения ни у философов, ни у эстетов. Авангардисты предприняли попытки разрушить ауру выставочных залов и репрезентировать обыкновенные серийные изделия вроде

консервных банок и унитазов. Однако это можно воспринимать не только как китч, но и как критику, отчаянную попытку искусства путем самоубийства обнаружить банальность вещей.

РЕВОЛЮЦИЯ И НАСИЛИЕ (В. БЕНЬЯМИН И Г. ЛУКАЧ)

В. Беньямин в работе «К критике насилия» обсуждал вопросы, достаточны ли допустимые в правовом поле средства для достижения справедливых целей и кто решает вопрос об оправданности средств и справедливости целей [3, с. 87]. Цели в одних условиях кажутся справедливыми, а в других нет. По Беньямину, правоустановление — это учреждающее действие, акт непосредственной манифестации насилия. В противоположность ему божественное насилие не является правоустанавливающим. Оно является уничтожающим, испуительным в отношении собственности и других благ, но не в отношении другого. Подавление одного насилия другим прерывается революционным насилием, отменяющим право вместе с сопутствующими формами насилия. Насилие по ту сторону права — это революционное насилие. Как манифестирующее оно является мифическим. Праведная война, божественный суд толпы над преступником — это формы божественного насилия. Что касается опасности его допущения, то оно ограничено заповедью «Не убий». Это не закон и не угроза наказания, не мера приговора, а руководство к действию, обращенное к индивиду. И каждый, кто переступает заповедь, берет ответственность на себя.

Лукач тоже пришел к оправданию революции в результате интенсивных моральных исканий. Правда, результаты его размышлений обескураживают и оставляют читателя перед моральной дилеммой. В статье «Большевизм как моральная проблема» он приходит к выводу, что сила и справедливость несовместимы и поэтому по моральным соображениям принимает тактику социал-демократии, основанную на реформах. Через месяц он опубликовал другую статью, в которой дал моральное оправдание революции [4, с. 21]. Проблема для него состояла в том, что одна часть людей нещадно эксплуатирует другую и, более того, отправляет их на смерть, развязывая войну ради достижения собственных интересов. Может ли моральный человек спокойно смотреть на это? Не является ли недеяние, непотворение злу грехом? Лукач не ставил себя по ту сторону морали, но его моральный выбор был трагическим. Ситуация выбора была такова, что все альтернативы исключали расхожую христианскую мораль. Она не могла им помочь сделать правильный выбор: он был попросту невозможен. Лукач выбирал между сохранением буржуазного строя, который втянул людей в мировую войну, и революционным террором.

МАРКСИЗМ И КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ

По Марксу, переход общества в новое качество происходит, когда классы упраздняются, а интересы целого осуществляются универсальной индивидуальностью. Поэтому исчезает необходимость выдавать частные интересы за всеобщие. Индивид в бесклассовом обществе становится «всеобщей сущностью» человека, родовым существом. Маркузе писал: коммунизм является новой формой индивидуализма, это не просто новый способ производства, а новая форма жизни. Это разрешение противоречий между природой и человеком, сущностью и существованием, свободой и необходимостью [5, с. 366]. На самом деле формирование индивидов всемирно-исторического типа сегодня протекает совсем по другому сценарию. Анализ современности приводит к выводу, что разум является отражением общества и одновременно инструментом, который перестал быть универсальным, ибо используется в частных целях. Более того, он стал иррациональным. Господство над природой оборачивается господством природы. Вместо свободы господствует самосохранение. В «Диалектике Просвещения» Хоркхаймер и Адорно заявили о саморазрушении рационализма, о том, что капитализм охватил не только производство, но и науку, превратил знание в товар. Под подозрением оказалась даже наука, которая в форме позитивизма превратилась в апологетическое обоснование инструментального использования знания для развития капиталистического производства. Драматизм ситуации в том, что язык науки сложился таким образом, что позволяет говорить о реальности только в терминах технической рациональности. Подтверждаемость, практическая значимость, соответствие действительности — все эти критерии есть не что иное, как самоцензура мышления. Апория Просвещения состоит в том, что свобода неотъемлема от разума и одновременно знание — это форма власти. Технологическое просвещение стало формой деспотизма [10, с. 11]. Просвещение превращается в миф, обслуживающий систему тотального овеществления. Рост материального благосостояния и омассовление культуры создают иллюзию освобождения от нужды. На самом деле рост потребления и рынок развлечений лишь оглупляют людей. Традиции Просвещения разрушаются его же собственными продуктами. Даже земные блага становятся причинами несчастья. Дело не в том, что эпоха благоденствия отрицательно относится к метафизике. Проблема в том, что сам тренд на удовлетворение материальных потребностей является метафизикой, обосновывающей общество потребления. Франкфуртцы признавали, что Просвещение содержит ряд важных универсальных установок, которые нельзя отбросить, но парадокс в том, что их реализация привела не к освобождению, а наоборот, к закабалению людей. Диалектика Просвещения проявилась в том, что люди не выдержали испытания свободой и комфортом.

Франкфуртцев обычно упрекают за гипостазирование отчуждения. Они везде видели проявление ложного сознания, фетишизированного отчуждения. И потому их философия не только негативная, но и «не фундированная», не завершенная. Критическая теория нерелексивна относительно своего главного метода — отрицания. Критика абстрактного мышления и теоретизирования во-

обще, оценка науки как формы идеологии, если это не просто слова, заставляя критика задуматься над своими текстами, над тем, как возможна философия, что значит критически мыслить. Возможны два пути. Первый — это не замечать самопротиворечивости абсолютной критики и отрицания. Второй — быть уверенным в том, что критическая теория лишена тех негативных моментов, которые присутствуют в предшествующих учениях. Негативная диалектика как ответ на вызов времени фундирована исторически и экзистенциально, поэтому она подлежит суду теоретиков, так сказать, «задним числом». Попытка избежать ангажированности посредством туманной или абсурдной фразеологии не является успешной. Адорно считал, что революции способствуют не столько левые критики, сколько идеологи правящего класса: своей ложью они изживают самих себя, приближают крах системы. Лидеры Франкфуртской школы не были ни слепыми догматиками, ни инспирированными пророками. Их «открытые произведения» предполагают творческого читателя. В том, что новые левые восприняли их как манифесты, как призывы к политическим действиям, лишь отчасти виноваты сами авторы.

Немецкая классическая философия является частью научного коммунизма. Хотя это не относится к этическому идеализму Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, существует внутренняя преемственность мысли, которая проявляется в том, что в системе Гегеля постулируется историческая необходимость перехода к царству свободы, а по Марксу, капитализм в процессе своего развития приводит к социализму. Классовое рыночное антагонистическое общество путем самоотрицания превратится в бесклассовое. Таким образом, начнется новая эра — история человека. Действительно, уменьшение доли физического труда, увеличение свободного времени, повышение качества жизни, развитие сферы отдыха и развлечений, доступ к тому, что было привилегией немногих, — все это привело не к облегчению жизни (мы по-прежнему жалуемся, что трудно жить), а к обесцениванию труда. Становятся ли люди от этого лучше — это вопрос. Правильно ли мы воспитываем наших детей в расчете на необременительную жизнь? Речь идет даже не о воспитании, а о рекламе, которая задает образцы поведения, диктует, как нужно жить. Современные молодые люди наделены повышенной чувствительностью к комфорту, к экзотическим вкусам и необычным желаниям. И это тоже результат не воспитания в аристократическом стиле, а экономики, развивающейся за счет производства товаров, которые не только не относятся к продуктам первой необходимости, но и вообще не представляются нужными. Облегчение затрагивает и сферу семьи. Молодые люди не обременяют себя детьми, легко сходятся и расходятся. Они не обладают терпением, необходимого для совместной жизни и воспитания подрастающего поколения.

Протест против повышения комфортабельности жизни кажется нелепым. Освобождение от тяжелого труда, нищеты и голода, от репрессий и принуждения — это несомненная заслуга общества, основанного на современных технологиях. Конечно, степень облегчения жизни разная в разных странах, и она во многом зависит от уровня развития экономики. Критика общества потребления для людей, которые заняты тяжелым изнурительным трудом и тем не менее находятся за чертой бедности, кажется утопической. Посколь-

ку менее развитые страны не могут позволить или достигнуть той степени удовлетворения потребностей, какая существует в высокоразвитых странах, постольку люди вместо того, чтобы бастовать, часто уезжают туда, где качество жизни выше. Таковы сегодня формы протеста. Забастовки и восстания, кажется, остались в прошлом. Смена режимов определяется политической конъюнктурой, а не исторической необходимостью. Однако оказавшись в обществе благоденствия, люди становятся объектом манипуляции и давления, которого не испытывали прежде на своей бедной родине. Существуют социальные, экономические и одновременно политические нормы, согласно которым обязан жить законопослушный гражданин. Эти нормы рациональны, ибо способствуют устойчивому развитию общества. Индивид должен не только соблюдать общественный порядок, но и желать того, что предлагает рыночная экономика. Не прибегая к репрессиям, реклама и массмедиа демонстрируют, как надо жить. Современная техника соединяет рациональность и жизненный комфорт. И всё же человек лишен индивидуальной свободы, т. к. сами критерии истинной жизни определяются техникой. Уже сам труд, опосредованный машинами, является механическим. Сфера отдыха и развлечений тоже сформирована по экономическим требованиям. Переход к цифровой экономике приведет к тому, что человеческая деятельность будет осуществляться по заданному алгоритму.

Каковы положительные и отрицательные последствия трудной, тяжелой жизни? Жизнь в нужде не делает людей лучше. Она принуждает к сдержанности и аскетизму, но, как известно, внезапно разбогатевший бедняк или освободившийся раб предаются всем возможным излишествам. Сдержанность и самодисциплина — продукты индивидуального психогенеза, который первоначально протекает под страхом насилия. По мере роста производительности трудящиеся получают все большую долю продуктов своего труда, однако их распределение в сложном, сплетенном из формальных отношений обществе по-прежнему мало зависит от тяжелого физического труда. Если обратиться к реальности, придется признать, что рабочие добились высокой заработной платы, улучшилось качество жизни, появилось больше свободного времени. Уже не труд, а потребление становится мотором экономики. Характер труда тоже изменился, для многих он теперь находится на границе работы и развлечения. Например, можно зарабатывать лежа на диване. Интернет — это средство труда и развлечения, и трудно сказать о тех, кто по ночам сидит у экрана, работают они или развлекаются. И всё же не стоит спешить с утверждением об окончании эпохи капитализма, который якобы плавно переходит к коммунизму. Наоборот, рынок освоил то, куда раньше не проникал. Потребление и развлечение — это сегодня чуть ли не главный сегмент рынка. Очевидно, что сидящие в социальных сетях люди заняты производством общества и по-прежнему сами себе куют золотые цепи. Современное «посткапиталистическое» общество не избавляет от отчуждения, которое приобретает все более изощренные формы.

Противником капитализма в условиях общества благоденствия становится культурный авангард. Автономность художественного творчества обусловлена тем, что произведения искусства не отражают действительность подобно зеркалу, а конструируют ее по своим художественным формам. В классической

философии речь шла о приоритете целого. Одни считали, что его образцы заданы извне — органически или теологически, другие считали целостность эстетическим эффектом. Автор, художник, композитор придает жизни смысл и организует поток событий в эстетическое целое. Искусство модерна отражает отчужденность и бесчеловечность буржуазного общества. Но задача не сводится к тому, чтобы абсурдно говорить об абсурдном мире. По Адорно, искусство открывает иное, или возможное. Оно показывает, что в этом мире можно жить иначе. Размышляя о современной музыке, философ писал, что вызванный ею ужас совершенно точно отражает конфликты современного мира. Сила протеста сконцентрировалась в незаконном, безобразном жесте. Музыку уже не сочиняют, а мастерят. При этом производится множество механических поделок, но и это лишний раз свидетельствует о пустоте не только метода, но и сознания [1, с. 159]. Технологические революции не поднимают подобных проблем, ибо совершаются не для спасения традиций прошлого, а во имя улучшения настоящего. Но они ставят под угрозу будущее всего человечества, которое ни прямо, ни косвенно не участвует в принятии судьбоносных решений.

ЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ КОНСЕРВАТИЗМ (ХАБЕРМАС И СЛОТЕРДАЙК)

Отказ от империализма, а вместе с ним и от больших нарративов, особенно идеологических, крушение социалистического блока, распад СССР и объединение Европы, глобализация и Интернет в каждом доме, демократия и права человека и многое другое — всё это стало поводом для манифестации постмодернизма. Капитализм, благодаря эксплуатации стран третьего мира, создал в Европе кокон благоденствия, или, как говорили американские политологи, общество потребления. Когда на арену истории вышли автономные индивиды, ведущие борьбу за признание, удалось заключить нечто вроде общественного договора, который, конечно, никто добровольно не подписывал и всё же выполнял, повинувшись Левиафану — государству необходимости и рассудка. Что же сегодня связывает людей, заключенных в своеобразные капсулы? Среди различных проектов, как устроить жизнь лучше, можно выделить несколько направлений мысли. Ю. Хабермас сделал ставку на этику дискурса и делиберативную политику. М. Фуко рассчитывал на переход от дисциплинарного общества к духовно ориентированному, а Н. Луман опирался на системную матрицу. Сегодня используется сетевая модель, на основе которой можно попытаться сохранить баланс между закрытостью и открытостью и подсоединить теории коммуникативного действия Хабермаса и аутопойезиса Лумана с иммунологией П. Слотердайка.

Представителей Франкфуртской школы, предупреждавших о «демократическом тоталитаризме», после студенческих волнений 68 г. дискредитировали, обвинив в ресентименте. На смену критической теории пришла идеология Постмодерна. В качестве альтернативы Слотердайк предложил сферологию, которую можно определить как своеобразную культурную иммунологию. Сфера — это защитная система, в которой, во-первых, возможны близкие

межличностные отношения, во-вторых, создается чувство уверенности, устойчивости, безопасности, обеспечивающее нормальные и даже дружелюбные отношения с другими. В «Сферах» Слотердаик полемизировал с Фрейдом и Лаканом и, ссылаясь на преднатальную психологию, утверждал, что исходным и главным периодом формирования человека является дородовое состояние, симбиоз ребенка и матери, пребывание в плаценте, по образцу которой строятся искусственные сферы бытия в мире. Отсюда его скепсис по отношению к любым научным, культурным, политическим революциям. Люди сопротивляются изменениям, т. к. стремление к нормализации оказывается более сильным. Если теория коммуникативного действия Хабермаса, напомнила о нашей общине, то иммунология Слотердайка — о братстве, эру которого пророчествовал Н. Фёдоров. Архетип сердца, который мы связывали с православным «Добротолюбием», лежит в основе микросферологии Слотердайка, а его любовь к князю Мышкину, которого он предложил избрать героем нашего времени, тоже обнаружила внутреннее сходство русской и немецкой души.

В послевоенной Германии постепенно сформировалась каста новых «философских мандаринов», подавляющих все новое и необычное. Борьбу с ними начал еще Хабермас, оказавшийся сегодня как раз одним из наиболее влиятельных ее представителей. В книге «Солнце и смерть» Слотердаик затронул то, о чем не принято говорить, и указал на скрытые предпосылки немецкого сознания. Он писал, что Хабермас как внук пастора, как продукт немецкой культуры остается христианским монополистом и отмечает всё, что не соответствует его теории дискурса, которая есть не что иное, как секуляризированный христианский гуманизм [6. с. 450]. Причина этого — в «немецкой вине», которая, по утверждению Слотердайка, лежит в глубине души. По Слотердайку, фашизм — это не культ, не религия, не мировоззрение, а обыкновенная сумма расистской, бюрократической и армейской дебильности. Большое преступление вовсе не означает, что за ним стоит высокий смысл. Зло, как утверждала Х. Арендт, банально. Но это не помешало ей демонизировать тоталитаризм, она видела его корни в самом проекте социализма. Неизвестно, что хуже, довоенный ресентимент и жажда реванша, на волне которого победил фашизм, или больная совесть, мешающая самоутверждению нации. Культивирование чувства вины явно не годится для современного общественного проекта. Несмотря на призывы говорить утверждающие речи, Слотердаик сохранил разоблачительные установки критической теории. Наука, техника, парламентская демократия, рыночная экономика, массовая культура — всё они имеют, скорее, языческие, чем христианские корни. Учитывая, что в прошлом монотеистические религии были источником мировых конфликтов, необходимо разрабатывать постхристианский проект.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая разные проекты идеального общества или государства, можно сказать, что ни один из них не реализовался. Их архитекторы обычно руководствуются идеями, которые выражают интересы лишь части населения.

Благодаря воодушевляющим речам они на какое-то время овладевают массами, которые вскоре осознают негативные последствия предложенных идеологий форм единства. Различия, составляющие основу метафизики, задают интерпретацию и оценку жизненной реальности. Но государство строится по-другому. Территория и ее ресурсы, продукты питания, товары, деньги — всё это предметы вождения соседей, от которых нужно обороняться и у которых можно что-то отнять. Соображения такого рода определяют государство и его отношение к другим странам и народам. Сегодня уже немногие верят, что возможно такое общество, которое имеет целью человека и предназначено для достижения счастья. Поэтому тема отчуждения сегодня значима, скорее, в аспекте преодоления индивидуализма и разобщенности людей, а не как теория революции. Нельзя сказать, что философские модели идеального государства вовсе не имеют значения. Наоборот, если они соответствуют духу народа, то оказываются серьезными мотивами действий. Русофобия или антисемитизм, европоцентризм или ориентализм так или иначе формируются в сознании людей. Ориентация на имманентное затемняет видение внешнего. В эпоху географических открытий встреча с Чужим давала новые знания, делала странников умудренными. Сегодняшние туристы и звезды шоу-бизнеса гастролируют по всему миру, делают хорошие деньги, но слушать отчеты блестящих снаружи и темных внутри людей невозможно. Наверное, это не их вина. Глобализация проявляется в том, что всё унифицируется, везде одинаковые отели и рестораны, стандартные интерьеры и пляжи. Глобальные игроки избавлены от стресса путешествий, но не от культурного стресса. Философское представление об автономном индивиде, ставшее повседневностью, привело к тому, что люди превыше всего ставят комфорт и независимость частной жизни. Остается спросить, возможны ли сегодня хоть какие-то духовные формы единства. Признавая, что людей связывают скорее функциональные, чем духовные отношения, философам следует обратить внимание на трансформацию социальных контейнеров и символических иммунных систем, под защитой которых пребывают люди. Главная проблема сегодня состоит в преодолении отчуждения в сфере не столько труда, сколько развлечения. Действительно, в условиях пандемии стало очевидно, что люди, особенно молодежь, больше всего протестуют против ограничений, касающихся мест массового досуга. Результатом закрытия ночных баров и дискотек становится сильнейший стресс, разрядка которого по форме и интенсивности не уступает стачкам и волнениям рабочих. С точки зрения высокой философии — это нонсенс, очередное свидетельство деградации общества, его бездуховности. На самом деле люди всегда не только работали, но и развлекались. Количество свободного времени увеличилось настолько, что можно говорить об освобождении труда. В этих условиях актуальной проблемой философского анализа должна стать тема коммерциализации рынка развлечений и удовольствий, аналитика негативных последствий «эмоционального капитализма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Избранное: Социология музыки / пер. с нем. — М.; СПб.: Университетская книга, 2015.
2. Бадью А. Можно ли мыслить политику? / пер. с фр. Б. Скуратова. — М.: Логос, 2005.
3. Беньямин В. Учение о подобию. Медиаэстетические произведения: сб. статей / пер. с нем. И. Болдырева и др. — М.: РГГУ, 2012.
4. Лукач Д. Большевизм как моральная проблема // Политические тексты. — М.: Три квадрата, 2006. — С. 5–14.
5. Маркузе Г. Разум и революция/ пер. с англ. А. П. Шурбелева. — СПб.: Владимир Даль, 2000.
6. Слотердаjk П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: Диалогические исследования / пер. с нем. А. Перцева. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
7. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. — М.: Республика, 1993.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М.: Ad Marginem, 1997.
9. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / пер. с нем. — М.: Высшая школа, 1991.
10. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения / пер. с нем. М. Кузнецова. — М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.